

Гость «ВК»

Вряд ли найдется хоть один театр в бывшем СССР, где бы не играли пьесы Розова. А еще постоянные выступления на телевидении, по радио, в газетах. В свои без малого восемьдесят Виктор Сергеевич сохранил могучий общественный темперамент. Хотя больше всего любит бывать дома с внучкой Настенькой.

Подхожу к знакомой двери подъезда. С недавних пор она на кодовом замке — не лишнее нынче приспособление. Хозяин встречается в прихожей.

редь — актрисы тела, а не души. Духовность одной нашей Нонны Мордюковой перетянет десяток ихних «душ». Россия, конечно, выстоит, но больше всего я боюсь американизации нашей страны, идущей бурным ходом.

— Виктор Сергеевич, как вы росли? Расскажите читателям о своем детстве и юности.

— Жили мы чрезвычайно бедно. Дает мне как-то мама пятнадцать копеек, бегу к сладкой бочке на колесах. Сдача в кулачке, прибегаю домой — отдаю. Мама пересчитала: «Три копейки лишних. Витька, беги, верни мороженщику». Вот это и есть воспитание... Детство мое пришлось на двадцатые годы. Прекрасное было время. Прекрасные люди кругом. И взрослые, и дети. Во дворе у нас сложилась пролетарская компания. Юра Кудряшов рос в семье пекаря. Катя была дочкой почтальона. Самый лучший мой друг Кирилл Воскресенский жил, правда, в отличие от нас в отдельном домике. Отец его учительствовал в школе. Но никакой сословной разницы в двадцатых годах и в помине не было. Со словечком «быдло» я познакомился много позже. Как раз те, кто зовет людей «быдло», и есть грязь нашего общества.

— Так и написать?

— Так и написать. Грязь, которую надо вычищать.

— После школы вы сразу рванули покорять Москву?

— Не сразу. Успел в Костроме проучиться год в индустриальном техникуме, работал в крутильном цехе на текстильной фабрике.

— Когда в вашу жизнь вошел театр?

— Начиналось все тоже в Костроме. Еще

равляю с днем рождения, звоню в Ленинград. Насчет выпивок. В те времена сказать про юношу семнадцати-восемнадцати лет, что он пьет водку, было все равно, что зачислить его в исчадие ада. Да-да, так было! Теперь я уже и сам почти не верю в идиллию прежних лет. А вот с азартными играми я был знаком довольно близко.

— Слава Богу, хоть что-то!

— В годы напа на нас с братом иногда давали по полтиннику. Большие деньги по тем временам. На полтинник можно было накататься на ярмарке на качелях-каруселях, полакомиться мороженым и... поиграть в кости. Тогда-то я и почувствовал вкус к азартным играм. А бросил, будучи уже студентом. Играли мы однажды в карты, и мне крупно везло. Я был в пылу азарта и вдруг резко почувствовал отвращение к самому себе и сказал: «Стоп!». Вышел из дома, где мы играли, и тут же на улице дал себе слово никогда не играть в азартные игры.

— Сработали внутренние тормоза? Вспоминаю, как лет пятнадцать назад вы рассказывали нам на семинаре в Литинституте о своем поведении в день похорон Сталина. Тогда сорокалетний Розов вместе с толпой ринулся к Дому союзов, но где-то в районе Тверского бульвара сказал себе: «Стоп!». И начал пробираться «огородами» в сторону Маяковки.

— Да, возможно, это и спасло мне жизнь. В тот трагический день мне пришла мысль: даже мертвый Сталин требовал крови. Из книги, вышедшей в 1987 году, эту мысль почему-то вычеркнули. А насчет внутренних тормозов... Я когда-то придумал и люблю повторять формулу: каждый сам себе заведующий.

— Виктор Сергеевич, сорок лет вы писали своих мальчиков. Все ваши драматургические «дети» — чистые, хорошие, думающие люди. Вы и сегодня так же думаете о молодежи?

— Точно так же. Мне уже поздно менять убеждения.

— И это несмотря на суровую действительность? По недавней статистике в России несовершеннолетние подростки совершают ежедневно 50 тысяч преступлений.

— Сами ребята в этом меньше всего виноваты. Они жертвы разлагающегося времени. Молодежь надо спасать. За нее надо драться.

— Вы это делали своими пьесами.

— По мере сил стараюсь делать это и сейчас. Для Центрального детского театра, который теперь называется, правда, молодежным, работаю над пьесой по «Братьям Карамазовым».

— Вашего «Брата Алешу» помнят все театралы. Теперь Дмитрий или Иван?

— Нет. Я пишу о Смердякове, четвертом, незаконном сыне. Недавно мне пришла мысль, что все главные события романа тесно с ним связаны. Здесь есть сюжет для самостоятельной пьесы. Очень хочется, чтобы в спектакле прозвучали гениальные мысли Федора Михайловича Достоевского.

— Разрешите под занавес один неприятный, непочтительный вопрос?

— Попробуйте.

— Вы не боитесь, что ваши пьесы остались в прошлом? Что наивные, светлые, романтические розовские мальчики чужды нынешней молодежи? Что современным «детям» и «отцам» нужны иные песни?

— Я уже ничего не боюсь, Володя, и ни от одной строчки в своих пьесах не отказываюсь. Насчет их долговечности — вопрос не ко мне. Тут уж как распорядится сама жизнь. Когда Гоголя в последние годы травил, он написал: «Сейчас я ничто — я весь в будущем». А я, наоборот (улыбается), весь в прошлом. И не только я. На афишах сегодня не видно ни Арбузова, ни Вампилова... Что будет через годы? Все-таки я верю, что наша отечественная культура устоит. Слишком мощный фундамент заложили гении прошлого века.

Беседовал

Владимир ПОПОВ.

Фото Алексея ГОДУНОВА и из семейного архива.

Виктор РОЗОВ: Век. клуб - 1993 - 2 марта - с. 7

«Свою первую любовь до сих пор поздравляю с днем рождения»

— Пришлось забаррикадироваться, Виктор Сергеевич?

— Что делать, Володя. Вы, наверное, уже лет пятнадцать у меня бываете...

— Семнадцать...

— Вот видите, никогда такого безобразия не было, теперь пришлось запереться. Сам с трудом привыкаю. У меня уже несколько лет ощущение, что живу в какой-то чужой, даже враждебной стране.

— И ничто не радует?

— Радует. Могу назвать свои три «кита». Семья. Круг старых друзей. Культура. Еще, конечно, книги. Когда слушаешь хороший концерт: фортепьяно, скрипку или певца-вокалиста, возникает ощущение настоящей жизни. Слава Богу, она еще теплится. Больше всего я боюсь как раз истребления советской культуры.

— Советской?

— Именно советской. В лучших ее проявлениях. Для меня она всегда была продолжением золотого девятнадцатого века. Какие звезды блистали в балете и опере Большого театра! Какой расцвет переживали драматические театры! Этому можно посвятить отдельный разговор.

— Вы же застали и театр Мейерхольда?

— Застал. Но мне он не был близок. Хотя «Даму с камелиями» смотрел несколько раз. Великий спектакль. Очень хорош был молодой Царев в дуэте с Зинаидой Райх. Несколько раз смотрел и «Дни Турбиных» с молодыми тогда мхатовцами второго поколения — Хмелевым, Добронравовым, Массальским, Яншиным, Андровской...

— Ну и, конечно, родной Театр Революции с несравненной Бабановой, куда вас приняли после училища.

— О Марии Ивановне я много писал и рассказывал. Почитал за счастье выходить рядом с ней в массовках, в «Тане» Арбузова. А в «Собаке на сене» я выносил стул и был горд. На тысячный спектакль «Тани» меня пригласили сказать несколько слов перед началом...

— Но вернемся в февраль 93-го. В чем вы усматриваете опасность истребления отечественной культуры? Сейчас — свобода творчества, практически снята цензура...

— И под сурдинку этой свободы происходит навязывание чужой культуры. Перерождение культуры. Что может быть страшнее, особенно для детей, для молодежи? Посмотрите, что сейчас идет во всех кинотеатрах...

— Сплошь американские фильмы.

— Американская культура в массе своей бездуховная. У них главное — развлекательная индустрия. Отличные мюзиклы, прелестные мультипликационные. Все это может быть, но для полноценной духовной жизни этого мало. Многие американские звезды в первую оче-

в школе я ходил в ТРАМ — театр рабочей молодежи. Тогда же и начал писать какие-то сценки. Их репетировали, ставили, потом мы с группой энтузиастов создали театр, сначала самодеятельный, потом он превратился в профессиональный. В Москву я поехал в двадцать лет актером этого ТЮЗа.

— Виктор Сергеевич, какая-то слишком розовая, извините за каламбур, получается картина. А как же грехи молодости? Первая выпивка, азартные игры, интимные связи?

— Мы, конечно, влюблялись. Любовь носила романтический характер. Была тайной. Свою первую костромскую любовь, девочку Нину — вот она, кстати, посмотрите, на этой фотографии... — я до сих пор ежегодно позд-

